

УДК 94(470.55) + 329.7(470.55)

**«КРЕПИМ ДЕЛО МИРА»: МЕСТНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ
МИРОТВОРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОГО АРХИВА)***

Т.В. Раева

В статье рассмотрена деятельность челябинских отделений Советского комитета защиты мира и Советского фонда мира. На основе архивного материала выявлены особенности функционирования этих организаций в рамках квазиобщественной модели советского движения за мир. Проанализированы миротворческие практики челябинских отделений и сделан вывод об их формальном и ритуализованном характере.

Ключевые слова: культурная дипломатия, советское миротворчество, Советский комитет защиты мира, Советский фонд мира.

Миролюбие являлось важной символической составляющей репрезентации СССР и советского народа в годы Холодной войны. Оно активно использовалось вовне как стратегия сдерживания противника в условиях недостатка военной и экономической мощи Советского Союза, формирования привлекательного образа страны-миротворца, продвижения социалистической идеологии. На «внутреннем фронте» оно работало как средство индоктринации и мобилизации населения, пространство легального выражения общественной активности. Институциональным организатором и транслятором «правильного» советского миролюбия выступал Советский комитет защиты мира (СКЗМ), созданный в августе 1949 г. Почти сразу Комитет приступил к формированию своих отделений в республиках, областях, городах и районах. Челябинский областной комитет защиты мира начал свою работу в 1950 г.

Вопреки декларируемому общественному характеру, СКЗМ действовал под контролем советских партийно-государственных органов. Модель руководства его структурами не предполагала спуска жестких директив из ЦК и регулярной отчетности. В ней сохранялось место для «низовой» инициативы, но действовало множество фильтров для отсека нежелательной активности: управляемость СКЗМ обеспечивалась идеологической лояльностью актива организации и полной финансовой, материальной, технической и иной зависимостью от «Инстанции» (так в советских докумен-

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10213).

тах именовали Политбюро (Президиум) ЦК ВКП(б)/КПСС). Все мероприятия, инициируемые Комитетом, требовали согласования и координации усилий многих органов, осуществляемых при посредничестве соответствующих отделов ЦК.

Связь СКЗМ с партийными органами внутри страны открыто признавалась. Более того, успех его миротворческой активности в СССР напрямую зависел от руководящего участия обкомов и горкомов. В выступлениях представителей местных комитетов защиты мира на заседаниях Пленумов, Бюро, региональных семинарах неизменно звучала мысль о необходимости идеологической, организационной помощи и контроля со стороны парторганизаций, при отсутствии которых невозможно было осуществить выпуск пропагандистских материалов, провести массовые мероприятия, а порой и просто заслужить доверие населения [2, л. 29; 3, л. 102; 5, л. 98].

Аффилиация Советского комитета защиты мира с партийно-государственными органами являлась веским основанием для его критики на международной арене как идеологического инструмента СССР. Попыткой преодолеть стигму прогосударственной организации стало создание в 1961 г. Советского фонда мира (СФМ), который должен был аккумулировать общественные денежные средства и финансово обеспечивать деятельность СКЗМ. Транслируемые на внешнюю и внутреннюю аудиторию идеологически маркированные послания подчеркивали сознательное и добровольное участие советских граждан в поддержании Фонда мира, доказывали искреннее миролюбие народа СССР.

СФМ мог создавать свои отделения на местах, однако в большинстве регионов продолжительное время его функции выполняли местные Комитеты защиты мира. В Челябинской области отдельная структура Фонда возникла только в 1971 г., но даже после этого сохранилась практика коллаборации отделений СФМ и СКЗМ, которые осуществляли совместную деятельность (включая делопроизводственную и руководство едиными городскими и районными группами) в рамках аналогичных задач обеих организаций. Кроме того, работа Фонда мира подтвердила невозможность осуществления сбора средств без активной пропаганды борьбы за мир.

Взаимодействие миротворческих организаций с парткомами на местах неизбежно размывало их управленческую вертикаль, обуславливая слабую связь центральных органов с местными. В корпусе сохранившейся в архиве делопроизводственной документации челябинских отделений СКЗМ и СФМ, охватывающей период с 1974 г. до 1991 г., отсутствовал блок директивных, распорядительных материалов от вышестоящих структур и, вообще, какие-либо документальные «следы» взаимодействия с ними, за исключением избрания делегатов на Всесоюзные конференции, отчетов об их поездках с упоминанием решений конференций и использования текстов журнала «Век XX и мир», печатного органа СКЗМ, где транслировал-

ся официальный советский дискурс о мире. Это обстоятельство отнюдь не свидетельствует о широкой самостоятельности местных акторов. Оно может быть связано с практикой работы региональных организаций, координирующих свою деятельность напрямую с обкомами или горкомами, минуя высшие руководящие органы Комитета защиты мира [4, л. 16]. Партийность членов актива местных отделений, вовлеченность их в работу других государственных и партийных структур также решали проблему организации миротворческой деятельности в области, замещая бюрократические связи личными контактами. Возникающая вследствие этого слабость внутренней структуры СКЗМ маскировалась риторикой о его общественном характере, призывами отказываться от «бумаг и штампов» в работе и опираться на искреннее миролюбие советских людей. Тем не менее, партийное руководство не всегда своевременно снабжало членов миротворческих организаций идеологическими выверенными рекомендациями, на что слабо владеющие риторическими навыками неосвобожденные работники местных отделений отвечали жалобами на отсутствие внутренней распорядительной документации, инструкций, планов работы [1, л. 108–109, 121, 123, 138], либо сложением с себя полномочий «борцов за мир». Качественное изменение в управлении делом мира в СССР произошло в нач. 1970-х гг., когда миротворческая деятельность стала бюрократической практикой, а недостающие нормативные и методические установки, пропагандистские материалы были выработаны и растиражированы [14].

Определенные официальным дискурсом и партийным руководством «пространства действий» советской миролюбивой общественности делали доступными для обычного советского человека две стратегии: подать свой голос «во имя мира» и помочь делу мира материально, перечисляя средства в СФМ или участвуя в повседневном труде [14]. Местным отделениям в этой модели отводились информационно-пропагандистская (разъяснение внешней и внутренней политики советского государства), воспитательная функции (в духе патриотизма и интернационализма) и задача привлечения населения к сбору средств в Фонд мира.

Подать свой голос в защиту мира советские люди могли, участвуя в митингах, сборе подписей, отправке писем с протестами против действий империалистов, в поддержку борцов за свободу и т.д. Эти формы демонстративного миролюбия канализировали легальную политическую активность советских граждан, служили средством индоктринации и практикой присвоения советского. Их частота и регулярность, численность участников акций рассматривались как количественное измерение эффективности миротворческого движения в СССР. Челябинские отделения в своих отчетах бодро рапортовали о сотнях проведенных митингов, собраний, лекций, выставок, тысячах участников акций за мир. При этом они держались в рамках формализованного перечня рекомендованных мероприятий, крайне

редко проявляя творческий подход в их проведении. Лишь отдельные сообщения рассказывали о необычных празднованиях, стилистика которых отсылала к символически насыщенному раннесоветскому периоду: публичном сжигании детьми игрушечного оружия, рабочими завода – макетов бомб в огне, взятом из доменной печи, проведении «Международного трибунала по обвинению империализма в преступлениях против человечества», в ходе которого происходило конструирование реальности через проигрывание «идеологически верных» сюжетов и фильтрацию воспоминаний иностранных участников акции [9, л. 11об.; 12, л. 17]. В к. 1970-х – нач. 1980-х гг. в дискурсивном обиходе советских миротворцев появились техники субъективации, сфокусированные на отдельном человеке, которые позволяли или вынуждали занимать позицию в отношении мира. Они реализовались в массовой патриотической молодежной акции «Я голосую за мир», школьных конкурсах «Письмо незнакомому другу», формат которых предполагал овладение актуальной риторикой и ее использование для обозначения своей позиции. Однако действительная ли субъективация становилась результатом применения этих техник или имитация в ответ на принуждение к политическому высказыванию судить сложно [10, л. 1об.; 14].

Формализация миротворческих практик, их виртуальный характер, широкое использование приемов навязывания политической активности, приводили к выхолащиванию и рутинизации борьбы за мир, особенно в позднесоветский период. В этом контексте для местных отделений значение приобретали усилия, направленные на расширение числа участников движения за мир и поддержание активной позиции лояльных акторов. Для этой цели использовалась созданная еще в первые годы существования СКЗМ система поощрений, основу которой составляло нематериальное символическое вознаграждение борцов за мир сувенирами, благодарностями, значками, медалями и т.д. Материальное поощрение не одобрялось, а в 1960-е гг. и вовсе было запрещено Правлением СФМ. Тем не менее, на конференциях, семинарах СКЗМ представители региональных отделений, не скрывая, сообщали о том, что действуют в обход существующих правил: награждают участников движения денежными премиями и поездками за рубеж. Поездки, по их утверждению, служили не только средством поощрения актива, но, прежде всего, поводом для проведения большой массовой работы среди населения, направленной на пропаганду идей мира, дружбы и добрососедских отношений, разоблачение происков империализма [1, л. 64–65]. Сложно говорить о том, насколько в этой мотивации присутствовали идеологически правильные убеждения советского борца за мир и корыстные устремления участников, но то, что последние имели место, не приходится сомневаться. Архивные свидетельства указывают на существование практики кулуарного распределения путевок среди «своих» и использования поездок за границу для личных целей [13, конверт 19].

Материальное участие в миротворческом движении для советского человека было опосредовано СФМ и его региональными отделениями, которые были призваны мотивировать жертвователей и мобилизовать финансовые ресурсы населения. Объем собранных ими на «дело мира» средств выступал одним из критериев эффективности советского миротворчества. Челябинское отделение СФМ довольно успешно справлялось с задачей пополнения фонда мира, внося в 1974 г. более 1 млн руб., а к сер. 1980-х гг. увеличив свой вклад до 4 млн руб. Такие показатели отделению обеспечивали индивидуальные и коллективные жертвователи. Первые были представлены, в основном, пенсионерами, ветеранами, действовавшими под влиянием тяжелого личного опыта войны, сиротства, страха за будущее своих близких. Среди коллективных вкладчиков заметную роль играли религиозные организации, прежде всего РПЦ, которые внесли более 500 тыс. руб. в 1974 г. Для них участие в миротворческом движении было способом возвращения в пространство общественной активности, формой служения людям и демонстрации лояльности к власти. Такая позиция религиозных организаций отнюдь не исключала наличие давления со стороны Совета по делам религий, который обязывал общины отчислять в фонд мира не менее 30 % их дохода. Когда же в к. 1980-х гг. власти отказались от давления на религиозные организации, те существенно снизили отчисления в фонд мира [8, л. 227]. При этом если для внешней аудитории участие религиозных общин в миротворческом движении однозначно служило формированию позитивного образа СССР, то внутри страны оно не только вызывало тревогу в связи с возможным усилением позиций церкви в обществе, но и размывало идеологический постулат о пролетарской сознательности. Этим, вероятно, объясняется амбивалентная позиция руководства СКЗМ и СФМ в отношении финансового участия религиозных организаций в пополнении Фонда мира, включавшая как запрет на получение денег от церквей, недопущение церковной проповеди о мире, так и рекомендации поощрять их за участие в СФМ.

Если проблема недобровольного финансового участия церкви в миротворческом движении не очень беспокоила Фонд мира, то в отношении других коллективных благотворителей она признавалась опасной, дискредитирующей саму идею пожертвования. Однако постоянный конфликт между необходимостью увеличивать сборы в СФМ и добровольностью, чаще разрешался в пользу административного или коллективного давления. Иные стратегии, работающие на поддержание мотивации жертвователей, применялись миротворческими организациями с разной степенью активности. Персонализирующие техники, позволявшие наполнить риторические клише борьбы за мир смыслом и субъективной достоверностью, использовались довольно широко в виде вдохновляющих личных историй вкладчиков. Специально маркированные трудовые усилия «вахты мира»,

движение «равнение на подвиг», «за себя и за того парня», предполагавшие включение в состав коллективов «почетных членов» – героев войны и борцов за мир, не являющихся реальными работниками позволяли романтизировать и героизировать обычный труд, интерпретируя его как вклад в укрепление дела мира: «молодые люди сегодняшнего дня как бы сами берут оружие павших и продолжают сражаться за наше правое дело мира» [6, л. 38]. Мобилизуя и воодушевляя население на трудовые успехи и выполнение плана, Фонд мира конвертировал этот порыв во вполне конкретные взносы. Стратегии транспарентности, несмотря на постоянно звучащие предложения с мест публиковать отчетность СФМ, что позволило бы, с точки зрения представителей региональных организаций, повысить доверие потенциальных жертвователей к фонду, сделать перечисление средств осмысленным, почти не применялись: открытая публикация отчетов о собранных в Фонд мира средствах была запрещена вплоть до к. 1980-х гг., а заявления о расходовании средств в поддержку мира на деле оказывались идеологически маркированными сообщениями [14].

Деятельность челябинских отделений СКЗМ и СФМ, обеспечивающая коммуникацию советской и зарубежной общественности, была далеко не основной, в возможности ее организации они были крайне ограничены. Одним из немногих способов прямой коммуникации советских людей и иностранной общественности были туристические поездки. С нач. 1970-х гг. бюджет местных миротворческих организаций обязательно включал расходы на поездки за границу в качестве поощрения за активное участие в борьбе за мир. По принятым нормативам на эти цели выделялось не более 20 % от общих расходов отделения. В 1974 г. в Челябинской области возможность побывать за границей по линии СКЗМ получили 10 человек, в 1985 г. – 5 [7, л. 2; 11, л. 1–3]. Архивные материалы обходят абсолютным молчанием вопросы о том, кто эти люди, кем и в соответствии с какой процедурой они выдвинуты на это поощрение, какие страны они посещали. Нет документальных «следов» какой-либо работы с ними, осуществляемой представителями местного отделения перед выездом за рубеж. Вероятно, это связано с тем, что иные акторы курировали организацию таких туристических поездок, сама форма которых создавала возможности для осуществления контроля и координации действий отдельных членов групп за границей, кроме того, подобные поощрения получали активисты миротворческого движения, профессиональные пропагандисты, владеющие идеологически правильными поведенческими и риторическими навыками коммуникации с зарубежными аудиториями.

Еще одной возможностью непосредственного контакта челябинцев с иностранцами был приезд, в основном из стран «третьего мира», учащихся и работников (зимбабвийцев, кубинцев, вьетнамцев и др.), однако численность их в области была невелика, и они не попадали в фокус миротворче-

ских организаций. Лишь в 1987–1989 гг., когда активизировались международные обмены, совместные пробеги, походы и т.д., советские участники стали привлекаться активнее. В фонде челябинского областного комитета защиты мира имеются их отчеты о поездках, газетные интервью с участниками международных культурных обменов [13, конверт 1, 17], которые позволяют увидеть нарастающий диссонанс между инерционным официальным дискурсом Холодной войны, транслируемым миротворческими организациями в материалах для лекторов и довольно быстро меняющимся внешнеполитическим курсом государства, общественной атмосферой и отношением к зарубежным странам, требующими иной риторики и форм международной активности [12, л. 11–29].

Т.о., изучение деятельности челябинских отделений СКЗМ и СФМ показало, что они находились под руководящим контролем местных партийных органов. Их «миротворческие» усилия были направлены на мобилизацию символического и материального потенциала населения. Реализуемые местными отделениями практики миротворчества носили формальный и виртуализованный характер, предполагали использование техник мотивации и навязывания политической активности. В к. 1980-х гг. на фоне падения авторитета организаций, резкого сокращения собираемых ими средств, углубления социально-экономического кризиса в стране, челябинские отделения предприняли попытку переориентироваться на оказание помощи собственному населению и развитие международного гуманитарного сотрудничества.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9605. Оп. 1. Д. 51.
2. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 52.
3. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 95.
4. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 214а.
5. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 236.
6. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 229б.
7. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-398. Оп. 1. Д. 3.
8. ОГАЧО. Ф. П-398. Оп. 1. Д. 26.
9. ОГАЧО. Ф. П-398. Оп. 1. Д. 35а.
10. ОГАЧО. Ф. П-398. Оп. 1. Д. 44а.
11. ОГАЧО. Ф. П-398. Оп. 1. Д. 50.
12. ОГАЧО. Ф. П-398. Оп. 1. Д. 83.
13. ОГАЧО. Ф. П-398. Оп. 1. Д. 90.
14. Орлова, Г. «Трактор в поле дыр-дыр-дыр, / Все мы боремся за мир»: советское миролюбие в брежневскую эпоху / Г. Орлова // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 4(54). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/or6.html>.

[К содержанию](#)